

Е.С. Власова,
студент Университета «МИР» (Самара, Россия)
Научный руководитель – П.Д. Симашенков

ЦИФРОВОЙ ПРЕКАРИТЕТ И ФЕНОМЕН «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОДИЧАНИЯ»

Выбор темы во многом обусловлен появлением тренда, обозначенного шведским футурологом К. Нордстремом. Сами по себе его прогнозы до скучного предсказуемы: «к 2025 году в Западной Европе около 50 % работ будет замещено теми или иными видами машин. Доктора, юристы, бухгалтеры. Их тоже заменят. Все, что можно оцифровать, будет оцифровано» [4, с. 25]. Суть, как всегда, в моральном праве жечь глаголом. Нордический «фанки-мыслитель» [5, с. 2], уверен, что таковой привилегией наделен носитель холистического знания, именуемого (брендинга ради) диким. Несмотря на претенциозность и нарочитую провокативность, высказывания футуролога продиктованы, как принято выражаться, актуальными вызовами. Обыкновенно на вызовы пеняют, оправдывая заученную беспомощность [6, с. 38], ступор. Ощущение растерянности перед информационным хаосом растормаживает в человеке защитные инстинкты, а страху никогда не стать драйвером инноваций.

Вспомним классику. По версии Л. Моргана, все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования [2, с. 231]. Стало быть, открытие виртуальной реальности ничуть не менее значимо, чем, скажем, открытие Америки. Обретенный, но еще не обетованный мир почти не исследован, а потому хаотичен и стрессо-опасен: неспроста модный термин VUCA заимствовали из лексикона американских военных, лет тридцать назад обозначавших данным акронимом боевую обстановку (нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность).

Изобилие и доступность Интернет-ресурсов возрождают приметы присваивающего хозяйства: цифровые туземцы потребляют контент, падающий к ним «с облака» (cloud-service). Присвоение находки не предполагает избыточности усилий, присущей творчеству. Тут все натурально просто: что выросло – то выросло. Вполне естественна и потребность максимально утилизировать знания: «в первобытном мышлении содержание человеческого опыта выступает как мир действий; такова первобытная диалектика» [1, с. 308]. Популярны офисные забавы XXI в. (мастер-классы и воркшопы) выглядят как сеансы симпатической магии – тот же шаманизм, причем в самой убогой (миметической) форме: «Mach mit, Mach's nach, Mach's besser!». А наделение знанием признают исключительно в форме обряда инициации с сертификацией. Невежество опасно тем, что быстро обрастает разного рода упрощениями – такое сейчас принято величать «экосистемой», чьи весомые достоинства – автоматизм и саморегуляция – очень даже «user friendly».

По нашему разумению, подобные модели передачи опыта делают профанацию тотальной и фатальной, низводящей публику до электорального стада, коему потребны даже не лидеры, а вожаки. Интеллектуальное становление личности обусловлено эволюцией и суперацией (превосхождением пройденного); в этом отличие от процессов социальных, где случаются и революции, а по умолчанию действует инволюция. Выбранный нами подход к рассмотрению обозначенной проблемы – аксиологический: полагаем, он объективнее технократизма в выявлении контрастов между целями образования и средствами его цифровизации.

Описывая «Общество 5.0», исследователи склонны придерживаться одной из двух (казалось бы, взаимоисключающих) тенденций: или славословия в адрес цифровой демократии, или осторожные намеки на формирование разночинного прекариата [6, с. 152] – кадрового резерва грядущего цифрового рабства. Нам представляется, противоречие здесь мнимое: удаленность и анонимность, слывущие за достоинства Интернет-общения, не только поддерживают иллюзию равенства, но (что важнее) сводят на нет какие-либо попытки усювестить начальство. Новаяявленное рабство обусловлено вырождением общества в рыхлую совокупность безликих интернет-юзеров, погоняемых и направляемых без всяких заморочек с управлением. Так, «владельцы» миллионной аудитории подписчиков продают их рекламодателям, эта форма работорговли именуется «интеграцией с инфлюенсером». Чураясь обскурантизма, рискнем заявить: засилье сетевых сервисов не только ускоряет деградацию интеллекта – одичание сначала отупляет, а затем и вовсе расчеловечивает.

Управленческая структура в наши дни преимущественно двухуровневая: рабы и надсмотрщик, персонал и администратор [7, с. 48]. Вполне в русле цифрового когнитивного примитивизма: ноль и единица (хотя начальственная каста разнообразнее по статусам при одинаковости ролей). Насаждение субординации – верный симптом культурной усредненности и духовной уравниловки. Западная HR-практика интуитивно это почуяла, отсюда попытки гармонизировать ситуацию симулякрами вроде peer-to-peer и холакратии. Но если в узком кругу «своих» холакратия еще приемлема, то прочим предписан прекаритет.

Благодаря неустойчивости отношения прекария с работодателем характеризуются, как минимум, взаимным недоверием – стало быть, латентно конфликтны. Фиксировать такое средствами трудового права чревато. «Figaro qua, Figaro là», оперативные исполнители разовых поручений – набирающий популярность формат, где фриланс и свобода выбора на самом деле означают неустроенность и неприкаянность. Как следствие, мода на проектную деятельность и прочие «активности», мало к чему обязывающие эксплуататора и ничем не мотивирующие нанятых им поденщиков. Все-таки профессионализм – солидный повод к самоуважению, а вот волонтерство – по большей части удел фрустрированных, компенсация сомнений в собственной социальной значимости.

Отношения с потребителем – уже не «человек человеку менеджер» и даже не «человек человеку клиент», т.к. обе модели предполагают конклюдентный, взаимообусловленный и взаимоуважительный характер. Доминирует формула «человек человеку услуга», когда стороны предпочитают удариться в амбицию, реализуя непомерные запросы и самоутверждаясь за счет ближнего. Оттого, кстати, ценится медиаторство и прочие успокоительно-переговорные навыки: они помогают если не решить проблему, то не доводить взаимные претензии до откровенного хамства. Мета-компетенции и soft skills, все эти умения уговаривать, недоговаривая – ставят обычаи трактирных половых выше любых знаний и владения профессией.

Отношение к продукту: и этот критерий ничтожен ввиду смещения фокуса на фабрикацию контента для соцсетей, информационного фастфуда, коему надлежит быть доступным, свежим и удобоваримым. Да и продают чаще уже не продукт, а услугу. Так выгоднее: оказание услуги растянуто во времени и имеет весьма абстрактные, неточные параметры оценки. Полезней изучить повадки и предпочтения контрагента (заказчика, работодателя), чем разбираться в профессии или же в свойствах поставляемого продукта.

Отношениями к обществу вообще можно пренебречь за отсутствием такового. Множатся комьюнити – сборища, столь же незатейливые, как и объединяющие интересы: чаще всего прямо или косвенно связанные с шоу-бизнесом. Формируя вокруг себя комьюнити, бренды обеспечивают лояльность клиентуры. Нет хуже участи, чем быть фрагментом толпы и бессознательно двигаться туда, куда влекут ее инстинкты или приказы вожака. Безвыходность усугубляется нигилистической доминантой поведения: нет личности – нет и совести, нетрудно отписаться от друзей и даже от гражданства. И подписаться на новых, вливаясь в другую, тоже никчемную толпу. Вполне логично: стабильно неустойчивому VUCA-миру – гарантированно ненадежные кадры.

Без разницы, кто кем работает, важнее – на кого. Кадры готовят «для экономики», как товар на продажу. Первостепенная задача – понравиться работодателю, дабы потом удовлетворять его потребности. Такое вовсе не зазорно, наоборот – только это и имеет значение. Мы же считаем, что пресловутые метанавыки, житейская сметка, расторопность и многозадачность, столь превозносимые сейчас, суть компетенции лакейские – для тех, кто вечно на подхвате. Если «не при делах», волей-неволей начинаешь прислуживать лицам.

Одичание – это когда главное, чтобы не было хуже, ибо лучше уже точно не будет. Умение ориентироваться в перманентно тревожной ситуации куда актуальнее владения профессией. Дикость – в господстве бытовой прагматики. Все рассматривается с позиции удобства и простоты потребления: неспроста у цифровых аборигенов в ходу словечки «годнота», «доставляет» и «зашло». В пору дикости знанию надлежит быть адаптивным, вот почему востребованы стреляные воробьи, тертые калачи и прочие бывалые профи в области безопасности (информационной или телесной – не столь важно). Они учат

выживать. Существование как аналог конкурентного антагонизма: таков был некогда Дикий Запад и вообще вся эпоха первоначального накопления. Отчего же не наступить эпохе первоначального упрощения, обнуления – коль скоро мы говорим о цифре? В некотором роде арифметика digital-капитализма. Но дорастет ли тот до высшей математики – вопрос более чем спорный.

Обозначим самые типичные, на наш взгляд, нонсенсы и противоречия концепции «дикого знания». Во-первых, оно предполагает над-технологичность, тогда так «догоняющая парадигма образования» априори технологична. Стало быть, и дикое знание будет транслироваться как технология, иначе его признают неэффективным (или недостаточно диким). В подобных условиях производитель (продукта, контента или услуги – не важно) делается потребителем готового набора семплов и фич. Ничего не нужно выдумывать, достаточно следовать алгоритму и придерживаться опробованных на практике шаблонов.

Во-вторых, дикое знание доступно лишь в «домашних» условиях. Приведенный тезис подтверждается продвижением тренда корпоративного образования. Подчеркнем: опыт, получаемый при такой подготовке, условно ценен в пределах отдельно взятой организации, без теоретического обобщения и осмысления. Меняется руководство, и весь крепостной театр перезагружают или заставляют переучиваться заново, на вкус и прихоть нового барина.

В-третьих, и саму практику стали воспринимать как обнуление теории (расхожее «забудьте все, чему учили в институте»), а молодежь – как своего рода профессию. Коль скоро главными достоинствами считают гибкость и многозадачность, то наиболее востребованы полуфабрикаты – болванки, доводимые до кондиции на местах. Польза болванок в универсальности и, соответственно, заменяемости. Обкорнать новобранцев под ноль и приспособить для своих нужд. Все можно освоить, посетив пару-тройку мастер-классов, бессистемно и едва ли не рефлексивно. Но зачем посвящать себя профессии, которую обещают вскоре заменить искусственным интеллектом?

Самый явный симптом недообразования – самодовольство (примерно то же было описано как эффект Даннинга-Крюгера). Одичание в XXI в. – процесс скорее рукотворный, нежели естественный. Цифровизация сродни ваучеризации, и последствия примерно те же. Огульное оцифрование идет вразрез с культурой, ибо не признает нюансов. В известном смысле культуру можно уподобить парашюту: с ней ощущаешь полет, без нее быстрее опускаешься. И профессионализм опускается, сползая с концептуальных вершин к отделочным работам, где иногда обнаруживаются-таки люди, сведущие в ремесле.

С этой точки зрения любопытен еще один показатель одичания – увлечение «философией agile», примитивным вариантом «теории малых дел». Аджайл-менеджеры оперируют понятием MVP – минимально жизнеспособного продукта, предназначенного для получения отзывов потребителей (в случае одобрения продукт дорабатывается). Разумеется, установке на перфекционизм (тем паче на уважение к себе как профессионалу) здесь не место. Наглядный пример, как одичание способно дойти до теоретизации элементарной халтуры.

Назревает вопрос: если ориентиры стерты, а ценности извращены – как отличить и где найти профессионала в VUCA-зазеркалье? Думаем, поможет попытка отличить грамотного и ответственного профессионала от знающего себе цену успешного профи. Роднит обоих персонажей постоянство и осознанность выбора рода занятий. Профессия не модное поветрие, ее не меняют каждый сезон. Без постоянства профессию нельзя признать таковой, потому весьма комичными выглядят потуги наметить специальности будущего: онлайн-терапевт, игромастер (!), science-художник, биоэтик. Как видим, фантазия дизайнеров «Общества 5.0» под стать плоскости цифрового мира, в лучшем случае ее хватает на соединение двух несвязуемых терминов. В отличие от дилетанта, профессионал поглощен не только тем, что увлекательно; он не страшится ежедневной работы. Дилетант рутину игнорирует (или не замечает), профессионал ее превосходит и потому преображает.

Профессия может служить показателем культурного консерватизма, ибо уважаемой становится не сразу – требуется признание ее социальной ценности. К тому же, приобщение к профессии несравнимо дольше, чем вложение в руки ремесла (иначе зачем существуют ПТУ и вузы?) Компетентность – понятие синтетическое и качественное, неразделяемое на подпункты компетенций и проценты их освоения. Концептуальное осмысление предполагает творческое усвоение общих положений при безусловном знании частных и нюансов. Нет парадигмы – нет развития. Профессия требует наличия мировоззрения, но сама мировоззрением стать не может. Она скорее подобна оптическому инструменту, меняющему фокус и взгляд на действительность. Правда, в эпоху клипового мышления образ мыслей как таковой – уже редкость и своего рода эксклюзив.

Говоря о гипер-компетенциях практиков, пророки цифрозоя противоречат сами себе: то, что они называют «диким знанием», на самом деле своеобразная теория – индивидуальный подход, выработанный опытом тех, у кого хватило мужества посвятить себя делу. Истинный профессионализм – за свободу в выборе средств, тогда как ремеслу хватает техники владения приемами и орудиями. Профессионал не потерпит халтуры, причем вне зависимости от адекватности оплаты труда. Профи, всегда соразмеряющий усилия со стимулами, не прочь ограничиться халтурой, если этого не заметят несведущие. Происходит подмена совести и профессиональной чести корпоративной этикой: последняя утилитарнее интерпретирует идеалы и закрепляет стандарты вместо принципов. Итак, профи – это профессионал минус социальная ответственность. На профи «любой, кто заплатил, имеет все права».

Свобода труда требует от человека высокого уровня сознательности и культуры. Профессия есть дело общественно значимое, а сегодня важнее себя продать; в приоритете личный заработок и сугубо материальный успех. Инволюция профессионалов в профи – проблема масштабная и системная. Отдельно взятому работодателю (если тот вообще разбирается в том, чем руководит) доступно разве что попытаться оздоровить ситуацию посредством материального стимулирования настоящих специалистов. А для нематериальной

мотивации – великодушно позволить самим определять формы и направления повышения квалификации (профессионалам и впрямь виднее, как лучше). Пора вернуть слогану «доверьтесь профессионалам» его истинное содержание.

Подводя итог сказанному, подчеркнем: профессиональное одичание видится нам патологией социальной – в отличие от синдрома эмоционального выгорания, где ключевая причина все же личная, психологическая. Беспорядочная «акселерация инноваций» и навязчивый поиск «точек кипения и прорыва» привели к тому, что громадное количество людей оказались не на своем месте. Предпосылками одичания мы считаем дестабилизацию и деморализацию, когда преднамеренное искажение системы жизненных координат списывается на некую «цифру», будто она – гнев Божий. То, что осталось от общества, стремительно расщепляется на элементарные частицы гаджет-зависимых особей, коим удобнее в искусственных экосистемах медиапространства.

Одичание всегда происходит «в отрыве», оно обусловлено отчуждением и изоляцией, будь то племя туземцев или опустившийся индивид. Удаленный – удаляет в себе индивидуальность. В профессии же необходимо ощущение сопричастности (а не только соучастия), принадлежности к сообществу коллег-единомышленников. Как показывает опыт, интернет-общение такого эффекта не дает: даже в специальных соцсетях для профессионалов пользователи предпочитают самовыражаться, а не делиться опытом. Наладить полезные и не показушные профессиональные коммуникации мешает еще и конфликт поколений: у молодых установки строго целевые, для советских людей еще важны ориентиры нравственные, отчего один и тот же вопрос представителями разных поколений может истолковываться противоположно. В сущности, неумные восторги, расточаемые дикому знанию – от острейшего дефицита Личностей и Подвижников, от неизбывной тоски по Учителю, имеющему свое мнение и видение предмета, идеологически убеждающему обучаемых. Расшарить и продать можно сведения, но знания – нельзя.

Рывком проблему не одолеть – невозможно игнорировать такую черту любой профессии, как обстоятельность. Предотвращение одичания требует целого комплекса продуманных и последовательных мер (а не мероприятий) на уровне государственной политики, первоначально – в области образования и социально-трудовых отношений. Не увлекаться псевдо-инновационной экзотикой, составляя хит-парады модных специальностей, а учить и готовить кадры в вузах, где проактивность навыков обеспечена серьезным концептуальным подходом – он *ipso facto* уже настроен на перспективу. Полагаем, именно так можно вернуть людям осознание смысла и места в жизни, и в конечном счете – социальный оптимизм, без которого нелепо строить планы и посвящать жизнь профессии.

Литература:

1. Маркс, К. Избранные произведения : в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 3. – М. : Политиздат, 1986. – 639с.
2. Морган, Л. Древнее общество / Л. Морган. – Ленинград, 1935. – 346 с.
3. Симашенков, П. Д. Актуальные вопросы мотивации работников умственного труда / П. Д. Симашенков // Музей. – 2020. – № 3. – С. 46–55.
4. Nordstrom, K. Urban Express: 15 Urban Rules to Help You Navigate the New World That's Being Shaped by Women & Cities / K. Nordstrom, P. Schlingmann. – Stockholm : Forum, 2014. – 203 p.
5. Ridderstrale, J. Funky Business: Talent Makes Capital Dance / J. Ridderstrale, K. Nordstrom. – London : Pearson Education, 2000. – 296 p.
6. Seligman, M. The Hope Circuit / M. Seligman. – New York : Public Affairs, 2018. – 260 p.
7. Standing, G. The Precariat: the New Dangerous Class / G. Standing. – New York : Bloomsbury Publishing, 2014. – 209 p.

В.С. Головкин,

студент Алтайского филиала РАНХиГС (Барнаул, Россия)

Научный руководитель – к.ю.н. А.А. Чесноков

ФИНАНСОВО-ЦИФРОВЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Введение

«Я не знаю каким оружием будет вестись Третья мировая война, но в Четвертой будут использоваться камни». Знаменитая цитата А. Эйнштейна отражала способы ведения войн в XX в., но сейчас можно утверждать, что войны ведутся с помощью IT-технологий, СМИ, криптовалют и оппозиционных группировок. Такова реальность гибридной войны, которая активно ведется против России и ее союзников с 2014 г. Основная задача оппонентов в этой борьбе – это дестабилизация российского общества, уничтожение конституционного строя и экономики Российской Федерации, блокирование России от союзников. Следствием всего этого будет полный вывод России с международной арены, экономический и политический кризис в стране.

По своей сути гибридная война является промежуточным этапом между пассивной борьбой между странами и войной в классическом понимании. В XXI в. данный способ ведения «военных действий» является наиболее «простым» и «приемлемым» с точки зрения международной безопасности. «Солдатами» в этой войне выступают финансы, «цифровая армия» и т.д.

Несмотря на бескровный характер действий, данный вид войны является наиболее опасным, т.к способен породить самые непредсказуемые последствия. Примером являются протесты в Республике Беларусь, где можно наблюдать все признаки гибридных боевых действий: масштабная информационная